



РОМАН



ГОЛОВОЛОМКА

Кристофер Прист
СБЛИЖЕНИЕ

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
П77

Серия «Роман-головоломка»

Christopher Priest
THE ADJACENT

Печатается с разрешения литературных агентств
United Agents c/o Intercontinental Literary Agency
и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского: *Наталья Власова*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Прист, Кристофер

П77 Сближение / Кристофер Прист.— Москва: Издательство
АСТ, 2017.— 572, [2] с.— (Роман-головоломка).

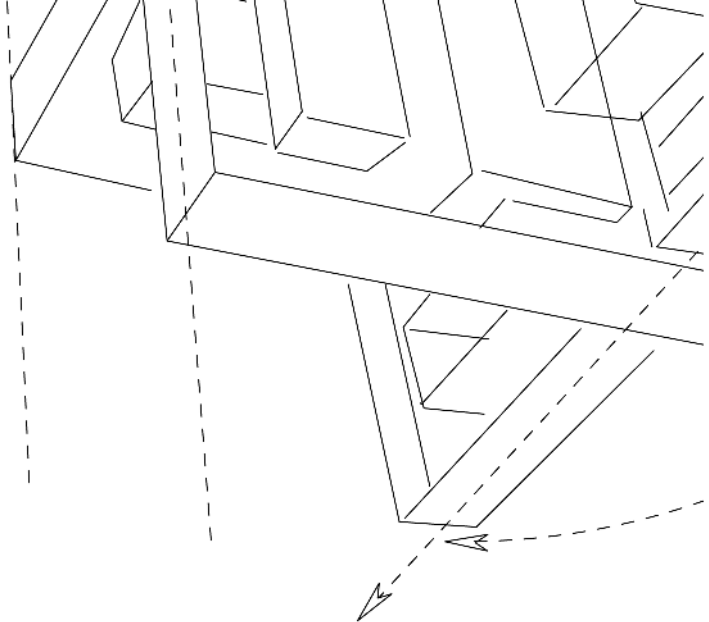
ISBN 978-5-17-092526-1

В недалеком будущем Тибор Тарент, житель ИРВБ, Исламской Республики Великобритании, привлекает к себе внимание спецслужб после того, как его жена становится жертвой странного оружия. Оно уничтожает все, что попадает под его воздействие, оставляя после себя выжженный правильный треугольник. Таких треугольников становится все больше, и их размеры растут на глазах. Первая мировая война. Фокусник Томми Трент отправляется на фронт с секретной миссией — сделать британские самолеты невидимыми для врага. Наши дни. Физик-теоретик изобретает новый метод передачи материи, последствия которого оказываются крайне разрушительными.

«Сближение» — роман, где все не то, чем кажется, где пересекаются история и вымысел, а любая версия реальности может оказаться кошмаром.

Copyright © Christopher Priest 2013. All rights reserved
© Наталья Власова, перевод, 2016
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается Нине



Часть первая

ИРВЪ

1

Фотограф

Тибор Тарент путешествовал уже очень долго, изда- лека, агенты гнали его через границы и часовые пояса, относились с уважением, но тем не менее вынуждали побыстрее перебираться в следующий пункт. Целый транспортный калейдоскоп: вертолет, поезд с закры- тыми окнами, какое-то скоростное судно, самолет, а потом «Мабшер», броневик для перевозки личного состава. Наконец его приняли на борт пассажирско- го парома, где уже была готова каюта, и он урывками проспал бо́льшую часть путешествия. Один из агентов, вернее, одна — женщина — сопровождала Тарента, но оставалась осмотрительно неприступной. Они плыли по Английскому каналу под темно-серым небом, земля



показалась на горизонте — когда Тарент поднялся на шлюпочную палубу, дул такой сильный ветер с мокрым снегом, что он не задержался там надолго.

Примерно через час паром остановился. Из иллюминатора в одной из кают-компаний Тарент увидел, что они направлялись не в порт, как он думал, а двигались боком к длинному бетонному причалу, тянувшемуся от берега. Пока он размышлял, что происходит, сопровождавшая его женщина подошла и велела собирать багаж. Тарент поинтересовался, где они.

— Саутгемптон-Уотер. Вы сойдете на берег в городе под названием Хамбл, чтобы избежать проволочек в главном порту. Там вас будет ждать машина.

Она проводила его на площадку нижней технической палубы. На борт поднялись еще двое агентов, которые отвели Тибора вниз по временному трапу, а потом по открытому всем ветрам причалу на сушу. Женщина осталась на корабле. Никто не попросил у него паспорт. Он чувствовал себя пленником, но сопровождающие разговаривали с ним вежливо. Тарент лишь мельком увидел окружающую обстановку: дельта реки была широкой, на берегах теснились здания и промзоны. Паром, на котором он прибыл, уже отплыл от причала. Тарент поднялся на борт ночью и теперь с удивлением увидел, что судно меньше, чем он себе представлял.

Вскоре они ехали на автомобиле через Саутгемптон. Тибор начал догадываться, куда его везут, но после трех дней постоянных переездов научился не задавать агентам вопросов. Они миновали сельскую местность и в итоге добрались до крупного города, которым ока-

зался Рединг. Тарента разместили в большом отеле, обставленном с бессмысленной роскошью и защищенном, по-видимому, бесконечными уровнями безопасности. Взбудораженный, Тибор всю ночь не спал, чувствуя себя то ли узником, то ли каким-то пленником. По первому требованию в номер приносили еду и безалкогольные напитки, но Тарент почти ничего не ел. В комнате с кондиционированным воздухом было трудно дышать, в голову постоянно лезли непрошенные мысли. Тарент решил посмотреть телевизор, но в отеле не показывали новостные каналы. Остальное его не интересовало. Тибор задремал на кровати, одеревенев от усталости, страдая от воспоминаний, скорбя по своей погибшей жене Мелани и постоянно слыша шум от телевизора.

Утром он попытался позавтракать, но аппетит так и не появился. Два агента пришли за Тарентом, пока тот сидел за столиком в ресторане, и попросили как можно быстрее подготовиться к отъезду. Этих молодых людей он раньше не видел, оба были одеты в светло-серые костюмы. Они знали о нем или о том, что для него планируется, не больше остальных, обращались к нему «сэр» и относились с уважением, но Тарент понимал, что они всего лишь выполняют порученное им задание.

Перед отъездом один из агентов попросил у Тарента удостоверение личности, и тот предъявил дипломатический паспорт, который ему выдали перед отъездом в Турцию. Парень лишь раз взглянул на узнаваемую обложку и потерял к ней интерес.

Автомобиль направился в Бракнелл, наконец-то Тарент был уверен в том, куда его везут. Родители



Мелани ждали гостя в своем доме на окраине города. Когда служебная машина уехала, Тарент обнялся с родственниками на крыльце. Мать Мелани, Энни, начала плакать при виде зятя, а у Гордона, тестя, глаза оставались сухими, но сначала он ничего не говорил. Они проводили его в знакомый дом, казавшийся теперь холодным и далеким. Снаружи пасмурный день разразился сильным ливнем. После обычных вежливых вопросов, не нужно ли ему в ванную, не хочет ли он выпить, они втроем сели рядом в вытянутой гостиной, обставленной массивной мебелью и украшенной целой коллекцией акварельных пейзажей — с последнего приезда Тарента ничего не изменилось. Тогда с ним была Мелани. Сумка Тибора осталась стоять в коридоре, но футляры с камерами он взял с собой и поставил на пол у ног.

Затем Гордон сказал:

— Тибор, мы должны тебя спросить. Ты был с Мелани, когда она погибла?

— Да, мы все время находились вместе.

— Ты видел, что с ней случилось?

— Нет. В тот момент меня не было рядом. Я остался в главном здании клиники, а Мелани вышла наружу.

— Она была одна?

— Временно. Никто не знает, почему она это сделала, но двое охранников отправились на поиски.

— То есть она была без охраны?

Энни пыталась справиться с рыданиями, отвернулась и склонила голову.

— Мелани знала об опасности, вы же в курсе, какая она была. Никогда не рисковала без необходимости.

Нас постоянно предупреждали, что вне территории стопроцентную безопасность не гарантируют. Она перед выходом надела бронезилет из кевлара.

— А почему Мелани вышла одна? У тебя есть какие-нибудь соображения?

— Нет. Я был раздавлен случившимся.

Такими были первые вопросы, на этом они и закончились. Энни и Гордон сказали, что приготовят чай или кофе, и на несколько минут оставили его в одиночестве. Тарент сидел в мягком кресле, ощущая ногой тяжесть сумки с камерой. Разумеется, он собирался навестить родителей Мелани, но не так скоро, не в самый первый день после возвращения в Англию, вдобавок жил сейчас под гнетом вины из-за смерти жены, чувствовал ее потерю и внезапное крушение всех их планов.

После постоянных переездов и ночевков в отелях знакомый дом навевал ощущение стабильности и покоя. Тарент в первый раз за долгое время расслабился и только сейчас понял, в каком напряжении жил последние несколько дней. Все в доме казалось таким, как раньше, но это их дом, не его. Он тут был лишь гостем.

Внезапно он проснулся, в воздухе пахло какой-то едой. На столике перед ним стояла чашка, но чай в ней давным-давно остыл. Тарент проспал около двух часов. С кухни доносились голоса, и он пошел туда, сообщить, что проснулся.

После обеда он долго гулял с Гордоном, но о смерти Мелани они не говорили. Дом располагался с бинфилдской стороны города, неподалеку от старого поля для



игры в гольф. Стоял конец лета, но оба надели плотные куртки. Когда выходили на улицу, пришлось наклонить головы, пряча лица от бушевавшего холодного ветра, однако не прошло и часа, как погода переменилась и обоим пришлось раздеться из-за слепящего солнечного жара.

Вспомнив о том пекле, какое ему доводилось переносить во время работы в азиатской клинике, Тарент не стал ничего говорить. На солнце было душно, но лучше, чем на холодном ветру. По словам Гордона, они дошли до ложной цели, одного из дюжины объектов, построенных вокруг Лондона, чтобы удержать бомбардировщики люфтваффе подальше от города. Отсюда до Бракнелла были мили три, и приманка торчала прямо посреди пустоши. Смотреть особо было нечего: остатки блиндажа, заложенные кирпичами и густо заросшие сорняками, какая-то наполовину видимая труба, надежно вкопанная в землю. Гордон сказал, что увлекся изучением старых ложных целей, и описывал, как их использовали. Иногда ездил посмотреть и на другие. Вокруг большинства крупных промышленных центров в 1940 году были созданы такие декорации, но почти все они уже исчезли. Эта сохранилась довольно плохо, но на севере еще остались объекты в лучшем состоянии.

По дороге домой Гордон показал Таренту больницу, где работал хирургом-консультантом и где какое-то время трудилась Мелани еще до знакомства с будущим мужем. Потом Гордон рассказал длинную историю об операции, которую ему довелось проводить несколько лет назад. Все пошло не так с самого начала, и хотя

врачи делали все возможное, это был как раз тот случай, когда больная просто умерла, невзирая на все их старания. Пациентка пролежала на столе более восьми часов. Молодая привлекательная женщина, балерина, приехавшей с трупной на гастроли, вроде как здоровая. Ей делали ерундовую операцию, риск занести инфекцию или заработать осложнение был невысок, никаких причин для смерти. В тот день Мелани готовили на операционную сестру, временно освободив от обязанностей в палатах, и она весь день пробыла рядом с отцом.

— Я люблю мою девочку больше, чем могу сказать,— нарушил Гордон молчание, когда они с Тарентом спускались по холму.

Уже около дома холодный ветер вернулся. Кроме рассказа об операции больше о Мелани в тот день не говорили.

На следующее утро Тарент проснулся в гостевой спальне, отдохнув после нескольких часов крепкого сна, но с мыслью, а сколько еще ему оставаться в доме Роско. После эвакуации из турецкой клиники его жизнь взяли под контроль власти. Хотя агенты никогда не представлялись, но разрешение Тарента подняться на борт санкционировало УЗД, Управление зарубежной дислокации, поэтому он предположил, что вежливые мужчины и женщины, которые его сопровождали, оттуда. Именно они привезли его сюда, и, вероятно, они же и заберут. Но когда? Сегодня? Или на следующий день?

Гордон уже ушел, его вызвали в больницу. Тарент принял душ, потом спустился, увидел Энни и спросил,



не агенты ли УЗД предупредили их о том, что его привезут, та ответила утвердительно, но ничего конкретного им с Гордоном не сказали.

После завтрака Тибор решил начать разговор сам:

— Хотите поговорить о Мелани?

Не поворачиваясь к зятю, Энни ответила:

— Нет, пока я одна. Можно подождать до вечера?

Тогда Гордон вернется.

Энн тоже получила медицинское образование. Работала акушеркой в той же больнице, где обучался Гордон.

Остаток утра Тарент провел в гостевой комнате, приступив к огромной работе по разбору тысяч фотографий, сделанных во время поездки. Пока он лишь находил неудачные или размытые кадры и стирал их. К счастью, в доме Роско был довольно сильный сигнал, поэтому Тарент без проблем получил доступ к онлайн-библиотеке и поставил все три камеры на подзарядку, во время онлайн-редактирования батареи быстро сядились.

После обеда он снова прогулялся, а когда пришел обратно, Гордон уже вернулся. Они втроем сидели за голым сосновым столом на кухне, где раньше собирались на семейные обеды и вели непринужденные разговоры, но, увы, сегодня все было иначе.

Гордон произнес:

— Не нужно опускать подробности. Мы привыкли к деталям. Нам нужно знать, как погибла Мелани.

Тарент начал рассказ с невинной лжи, сказав, что они с Мелани были счастливы вместе, и тут же пожалел об этом, пусть это, как ему казалось, никак не исказило

бы то, что хотели знать родители жены. Он описал клинику в Восточной Анатолии, расположенную близко к городу, но неподалеку от четырех-пяти деревень на холмах. Это был один из нескольких полевых госпиталей, открытых в Турции, с остальными они напрямую не общались, за исключением случаев, когда «Мебшер» привозил провиант или новых сотрудников на смену старым или же прилетал вертолет с дополнительной партией медикаментов и продуктов.

Тарент показал родителям жены фотографии из тех, что нашел, просматривая утром отснятый материал. Он отобрал снимки Мелани, но по причинам, в которые не собирался вдаваться, их оказалось отнюдь не так много, как тесть и теща, возможно, ожидали. Зато остались тысячи других фотографий, уже без Мелани, многие дублировали друг друга, порой демонстрируя самые страшные жертвы ситуации в регионе, в основном детей и женщин. Десятки людей с ампутированными конечностями из-за подрыва на mine. Тарент фотографировал скелетоподобные тела, детей с больными глазами, истощенных женщин, мертвых мужчин. Поскольку Роско были медиками, он не испытывал приступов дурноты, показывая им все то, что видел. Огнестрельные раны, травмы, полученные в результате взрыва, обезвоживание, диарея, холера и тиф — вот самые популярные увечья и болезни, но были и новые ужасы, казавшиеся неизлечимыми, новые штаммы вирусов, различные бактерии. Во многих случаях люди умирали от голода раньше, чем болезнь бралась за них всерьез.

Тарент снимал воду — источники стоячей воды встречались так редко, что всегда удивляли. Он искал